

*К 100-летию со дня рождения
лауреата Нобелевской премии Ильи ПРИГОЖИНА*

Эмануил ИОФФЕ

Его называют вторым Эйнштейном

Бельгийского и американского ученого-физика, химика, философа, лауреата Нобелевской премии по химии 1977 года Илью Пригожина называют вторым Эйнштейном. Его открытия связаны прежде всего с неравновесной термодинамикой и статической механикой необратимых процессов, а также с парадоксом времени.

Илья Романович (Рувимович) Пригожин родился 25 января 1917 года в Москве. Его отец Роман Пригожин — выпускник МГТУ, инженер-химик, был родом с Могилевщины, а мать — музыкант Юлия Вихман — из Литвы. Кроме Ильи в семье был еще один сын.

До переезда в Москву Рувим Абрамович Пригожин окончил Могилевское реальное училище.

Сохранилась фотография 1919 года, на которой пять мальчиков — родные и двоюродные братья, замерли на дачной лужайке в подмосковном Покровском-Стрешневе. В центре самый младший — Илья. Широко раскрытыми глазами он всматривается в объектив: что это? зачем? почему?

Благодаря стараниям матери Илья с детства играл на пианино. Ноты, как она потом вспоминала, он научился читать раньше, чем слова. В четырехлетнем возрасте — летом 1921 года — Илью увезли из Страны Советов.

Если говорить честно, эмигрировать родители не хотели. Отец — выпускник химического отделения Московского технического училища, после получения диплома основал на тогдашней окраине Москвы у Крестовской заставы небольшой лакокрасочный завод. В 1918 году предприятие было национализировано. Власти переориентировали его на мыловарение, а бывшего владельца назначили директором.

В начале 1921 года на Лубянку попали несколько знакомых Романа Пригожина, и это подтолкнуло его к решению переждать смутное время где-нибудь, как сказали бы теперь, в ближнем зарубежье.

Многочисленные связи, в частности, личное давнее знакомство с наркомом просвещения РСФСР Луначарским, помогли договориться с властями о повышенной квоте на выдачу выездных виз. Одну из них получила семья Пригожиных. Воспользоваться решили литовским маршрутом, в то время наиболее доступным

для легальной эмиграции. Его популярность — заслуга поэта, старого москвича Юргиса Балтрушайтиса, в ту пору полномочного представителя Литовской Республики в РСФСР.

Остановились в Каунасе. Илья Романович долгое время на русский манер называл его Ковно. Пробыли там год. Но отправились оттуда не в родную Москву, а в совсем чужой Берлин, где с дореволюционных времен проживала семья младшего брата отца. Поехали, опять же, вынужденно. Подрастал старший сын, пора было подумать о хорошем образовании, на что в маленьком провинциальном Каунасе рассчитывать было трудно. Ситуация же на родине не обещала ничего хорошего.

В 1921 году семья Пригожиных переехала в Берлин, где они прожили восемь лет. В 1929 году Пригожины поселились в Бельгии.

В 1993 году в Москве во время интервью Пригожину задали вопрос: «Чем для вас была Россия с детства? Как видно, изначально вы познавали ее через свою семью?»

Илья Романович ответил: «Конечно. Родители многое сделали, чтобы мы, дети, помнили, откуда родом. У меня, например, до 12 лет всегда был учитель русского языка. Но если для моего старшего брата Александра, ставшего известным орнитологом, родной язык оставался первым, то со мной этого уже не произошло. И открытие России было в юности во многом умозрительным.

Я несколько раз открывал для себя Родину. Первое, еще в детстве, открытие — знакомство с ее великой культурой, литературой, музыкой, живописью. Второе — изучение истории России...

Третьим открытием был первый приезд в Москву в 1957 году. Я увидел тогда наш дом на Большой Переяславской (потом его снесли). Из России наша семья эмигрировала после революции. Отец, окончивший императорское Высшее техническое училище, ставший инженером, владел небольшой фабрикой, после октябрьских событий оставался ее директором. Но потом это стало опасным из-за «буржуазного происхождения». Мы уехали.

Начальное и среднее образование Илья Романович получил в школах Берлина и Брюсселя. Постоянные переезды, по словам Ильи Пригожина, породили у него «острую восприимчивость к переменам».

Впоследствии он отмечал: «Начав изучать физику и химию, я был поражен тем, что исчез фактор времени».

В юности Илья Пригожин интересовался историей и философией. Будущее же свое он связывал с профессией концертирующего пианиста. В этом чувствовалось влияние матери, получившей основательное музыкальное образование в Москве. Еще в Берлине его старший брат играл на скрипке, а маленький Иля, как звали Илью Романовича в семье в детстве, — на фортепиано. Атмосферу в доме тогда определяла мать — Юлия Пригожина.

Еще подростком Илья прочел работы видного французского философа начала XX века Анри Бергсона. Очарование его «Творческой эволюции» запомнилось на всю жизнь. Уже тогда тезис Бергсона о первейшей роли интуиции в творческом развитии накрепко вошел в его сознание. Тогда же возникло смутное восприятие фундаментальной роли в мироздании понятия «стрелы времени», которое сегодня определяет все то, что в современной науке связано с «языком Пригожина» — сугубо научной дефиницией, знакомой, однако, каждому серьезному естествоиспытателю.

С 12 лет в Бельгии Илья Пригожин кроме увлечения историей, философией и музыкой изучал латынь, греческие языки, археологию. Все это значительно расширило кругозор юноши, заставило его иначе смотреть на мир и оценивать свои возможности.

Неожиданная смена интересов, казалось бы, записного гуманитария, с детства тяготевшего к философии, жившего в мире звуков (ему прочили карьеру концертирующего пианиста), имела свои причины.

Свою роль сыграло естественное для дружной семьи желание младшего пойти по стопам отца и старшего брата, что Илья и сделал, поступив на химический факультет. Но, видимо, решающими, в конце концов, оказались индивидуальные особенности мышления, внутренний мир молодого человека.

О том, что подтолкнуло его ступить на стезю точных и естественных наук, Пригожин рассказал на встрече в Москве в Институте истории естествознания и техники в последний день 1992 года, где собрались московские ученые.

Одно время родные «готовили» юношу к юриспруденции. Из прочитанных книг он понял, что задача юриста — осуждать или защищать преступившего закон. На его столе появляется энциклопедия по психологии. Постижение предмета потребовало биологических знаний, а те, в свою очередь, привели к химии, физике, математике.

Таким образом, в конце концов, Пригожин выбрал химию. Высшее образование он получил в Свободном университете в Брюсселе, где специализировался по химии, особенно в области химической термодинамики.

Но ведь Бельгия в это время находилась под германской оккупацией? Как же мог учиться тогда Илья Пригожин в самом престижном вузе Бельгии?

В самом деле, германские войска 10 мая 1940 года ворвались на территорию Бельгии и довольно быстро захватили ее. Когда германские власти потребовали от бельгийских евреев регистрации (пресловутого «пятого пункта» в документах европейских стран никогда не было), подавляющее их большинство проигнорировало это распоряжение; те же, кто подчинился, впоследствии погибли в концлагерях.

Пригожины со свидетелями явились в функционировавшую в Брюсселе русскую эмигрантскую организацию, назвали православными, хотя Роман Пригожин не был крещеным, и получили необходимые справки. Не помешала даже нерусская фамилия матери — Вихман.

Хотя в Бельгии все университеты были закрыты, преподавание продолжалось. Нелегально, преимущественно по частным квартирам. Среди преподававших был и Пригожин. После Победы бельгийское правительство наградило его медалью Сопrotивления.

А Илья Пригожин в тех нелегких, сложных условиях серьезно изучал термодинамику — науку, связанную с тепловой и другими формами энергии.

В 1943 году 26-летний Илья Пригожин стал бакалавром естественных наук Свободного университета в Брюсселе. Он написал диссертацию о значении времени в превращениях в термодинамических системах, за которую в 1945 году получил докторскую степень.

С середины 1940-х годов И. Р. Пригожин работал над проблемами неравновесной термодинамики. Именно Пригожин установил существование неравновесных термодинамических систем, которые при определенных условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению.

Изучение закономерностей эволюции открытых неравновесных систем и спонтанного возникновения в них порядка (их самоорганизации), несмотря на происходящее в них рассеяние (диссипацию) энергии, и даже благодаря ему, привело Илью Пригожина к созданию теории диссипативных структур одного из направлений общего междисциплинарного движения, называемого во многих странах вслед за немецким физиком Германом Хакеном синергетикой.

Другими словами, можно сказать, что Илья Пригожин один из основателей нового научного направления — системы миропонимания, обозначаемого как синергетика.

В 1947 году Илья Пригожин был назначен профессором физической химии в Свободном университете Брюсселя, а в 1962 году стал директором Сольвеевского Международного института физики и химии в Бельгии.

В 1967 году Пригожин основал научно-исследовательский Центр статистической механики и термодинамики при Техасском университете в Остине (США) и стал его директором. С этого времени он работал одновременно в Брюсселе и Остине.

Илью Романовича очень волновало развитие российской науки в 1990-х годах. Выступая на приеме в российском посольстве в Брюсселе в 1992 году в день своего 75-летия, он подчеркивал необходимость государственной поддержки науки. Пригожин утверждал: «Надо сделать все, чтобы сохранить научный потенциал в России. Даже в тяжелейших экономических условиях недопустимо забывать, что такая поддержка — дальновидное вложение в будущее страны. Самое ценное достояние народа — его умы».

Все это было не только словами. Будучи консультантом Европейского сообщества, Пригожин немало сделал для поддержки российской науки в самый тяжелый для нее период начала реформ.

Одна из самых больших университетских аудиторий Московского государственного университета была переполнена, когда в 1993 году лауреат Нобелевской премии Илья Романович Пригожин читал лекцию о парадоксах времени. Традиционная лекция нового почетного доктора МГУ вызвала огромный интерес: Пригожин — выдающийся ученый современности, открытия которого по значению сравнивают с вкладом в науку Эйнштейна. После лекции ему был задан ряд вопросов.

Первый вопрос был навеян идеями лекции ученого: «...Как же распорядиться своей жизнью человеку, идущему в науку: “сжечь молодость”, без остатка выложиться в ней, тем более никому не дано знать, сколько он проживет. Или более равномерно, на десятилетия, распределить свои усилия?»

Ответ Пригожина был таков: «Однозначного ответа у меня нет. В науке бывают периоды, когда к решению очень важных вопросов приходится идти медленно, тратя долгие годы. И лично мне это больше подходит. Но есть и мгновения прозрений, время синтеза, осмысления уже наработанного наукой. К чему молодость весьма и весьма предрасполагает».

А вообще-то в отдельной человеческой жизни, в определении, по какому пути она будет развиваться, огромную роль играет непредвиденный случай. Я вот с детства готовил себя скорее к гуманитарному поприщу. В гимназии увлекался историей, много музицировал на фортепиано, любил и по сей день люблю русских композиторов, особенно Скрябина. Интересовался природой творчества в разных областях жизни, возможностью иных картин мира, чем наша. Да и сейчас меня это все очень интересует, что будет, например, после смерти, можно ли там что-либо менять, творить заново?

Судьба распорядилась так, что в университете я стал изучать физику и химию. Но я хорошо понимаю: все, что мне удалось сделать в науке, невозможно было бы без этих двух составляющих.

Когда я стал изучать законы природы, то был удивлен и озадачен таким противоречием. В истории, литературе, искусстве все взаимосвязано во времени, в развитии процессов из прошлого в будущее через настоящее. А в законах физики и химии время как бы остановилось, оказалось не таким уж предопределяющим. “Порвалась связь времен”, как говаривал устами принца Гамлета Уильям Шекспир. В истории, в искусстве события играют большую роль. Рождение такого гения, как Чайковский, — событие. Музыка без него была бы совсем другой. А в фундаментальной физике нет событий. Нет случайностей. Все детерминировано...

Я заинтересовался термодинамикой — наукой о тепловых процессах. Здесь время играет огромную роль, все это знают по элементарным процессам нагревания и охлаждения. Работая в области термодинамики, убедился, что вообще время — важный фактор в физике и химии...

Когда я читал свою первую лекцию на конференции по необратимым процессам, то выдающийся термодинамик того времени удивленно заметил: «Я не понимаю, почему молодой человек интересуется этим вопросом. Это же флуктуации. Они очень коротки». Я был очень удивлен и даже не мог сказать. Что мы ведь тоже не вечны и живем короткую жизнь».

В 1977 году 60-летнему Илье Пригожину была присуждена Нобелевская премия по химии «за работы по термодинамике необратимых процессов, особенно за теорию диссипативных структур».

В своей вступительной речи от имени Шведской королевской академии наук Стиг Классон сказал: «Исследования Пригожина в области термодинамики необратимых процессов коренным образом преобразовали и оживили эту науку».

По мнению С. Классона, эта работа открыла для термодинамики «новые связи и создала теории, устраняющие разрывы между химическим, биологическим и социальным полями научных исследований... Исследования Пригожина отличаются также элегантностью и прозрачностью, поэтому ученого заслуженно называют «поэтом термодинамики».

На суперобложке одной из последних монографий Пригожина «Конец определенности» изображены яблоко и летящая стрела, перерезающие плодоножку. Аллегория изящна и очевидна. Открытия Ньютона символизируют падающее яблоко, а стрела, естественно, отождествляется со стрелой времени. А все в целом иллюстрирует формирующуюся на исходе века новую ступень в познании, страстное желание ученого, если использовать образное сравнение лорда Кельвина, разогнать одно из «облачков», затеняющих сегодня ясное небо над величественными сооружениями нашего века.

Аллегоричность — отличительная черта литературного стиля Пригожина. Обосновывая логику восприятия реальности, Пригожин вспоминал о манере Шехерезады рассказывать свои истории. Завершив одну из них, она тут же переключается, чтобы поведать о еще более увлекательном событии.

«Так и в нашем случае, — делал он вывод, — рассматривая, например, космогонию, сталкиваемся с тем, что внутри нее разворачивается история в веществе, внутри которой, в свою очередь, содержатся повествования о жизни, о нашей собственной истории и т. д.»

Эти ответвления в познании, основывающиеся на понятиях Пригожина и его школы, обнаруживаются сегодня в самых разных разделах современной науки.

Описание природы, по мнению Пригожина, — это живой диалог, а не богоподобное вторжение в ее сокровенные тайны. Активное вопрошение природы есть неотъемлемая часть ее внутренней активности. Используя понятие стрелы времени не только в сфере социальных и гуманитарных, но и точных наук, мы тем самым можем отойти от принципа их противостояния.

Все больше погружаясь в парадоксы времени, Пригожин закономерно подходил к пониманию, что время, как физическая реальность, теснейшим образом связано с другими парадоксами — квантовым и космологическим. Развивая свою мысль, он заметил: «Что может быть более необратимым, чем переход от Вселенной до Большого Взрыва к Вселенной, которую мы знаем?»

Нобелевская премия сделала его на второй родине — в Бельгии — Человеком года, и ему пришлось воздерживаться от посещения брюссельских кафе и ресторанов. Нигде не желали брать с него денег за заказ. Благодаря телевидению люди знали его в лицо. Знали и гордились им.

Круг научных интересов российского ученого, члена-корреспондента РАЕН Абрама Блоха — от геологии урана до природы рудогенеза. Он неоднократно

встречался с профессором И. Р. Пригожиным в Москве и Брюсселе. В своем очерке «Физик Илья Пригожин. Каждый школьник XXI века будет знать это имя», опубликованном в 1998 году, он писал: «Каждый, кому выпало счастье непосредственного общения с этой уникальной личностью, не мог не испытывать на себе воздействия могучего энергетического поля, исходящего от человека, имя которого будет знать по учебникам каждый школьник XXI века, как в любом краю планеты знают нынешние школяры имена Ньютона, Максвелла, Кюри...

Илья Пригожин, выдающийся представитель уходящего века, провозглашая новый альянс культур «физиков и лириков», возвращает тепло гуманистической составляющей в холодную безбрежность правящих миром вероятностных законов. Не предвещает ли этот синтез в наступающем тысячелетии нового Ренессанса, нового возрождения?»

Илья Пригожин был автором и соавтором 13 монографий и многочисленных статей.

За год до смерти Ильи Пригожина — в 2002 году, в Москве в переводе с английского вышло в свет при поддержке Министерства культуры Франции его учебное издание «Современная теплодинамика. От тепловых двигателей до диссипативных структур» (в соавторстве с Д. Кондепуди), предназначенная для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также физиков, химиков, биологов и инженеров.

В статье «Переоткрытие времени» («Вопросы философии», 1989, № 8) И. Р. Пригожин подчеркнул: «...порядок и беспорядок представляются не как противоположности, а как то, что неотделимо друг от друга».

В «Предисловии к русскому изданию» 85-летний Илья Романович написал: «Я горжусь тем, что «Современная термодинамика», написанная с позиции брюссельской школы термодинамики, пополнит обширное собрание учебников и монографий, существующих в известной своими давними и богатыми традициями русской школе химической термодинамики.

Настоящая книга — плод упорного труда в течение многих десятилетий... Во многих областях науки, прежде всего в химии, механике жидкости, оптике и биологии, важная роль необратимых процессов получила общее признание, а отсюда возникла необходимость развития этого направления.

В течение научной карьеры мной опубликованы многочисленные работы по термодинамике как равновесного, так и неравновесного состояний (большинство из которых издано в русском переводе). И естественно, возникла необходимость написания обобщающего труда...»

Будучи увлеченным, разносторонним и универсально мыслящим ученым, Пригожин предпринял попытку навести мосты между естественными и гуманитарными науками. От конкретной модели сложного поведения в химии Пригожин продвинулся к глубоким мировоззренческим обобщениям о смене научной парадигмы и радикальных изменениях в видении мира. Эволюционная парадигма охватывает всю химию, а также существенные части биологии и социальных наук. Происходит открытие нового мира необратимости, внутренней случайности и сложности.

Ученый развивал философию нестабильности. До настоящего времени не утратила своей актуальности и ценности статья Пригожина «Философия нестабильности», опубликованная более четверти века тому назад в шестом номере журнала «Вопросы философии» за 1991 год.

В январе 2000 года в Бюллетене Всемирной федерации исследования будущего на английском языке была напечатана статья Ильи Романовича «Кость еще не брошена». В 2002 году она с разрешения автора увидела свет на русском языке в Москве в книге «Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве».

Фактически это завещание Пригожина потомкам, будущим поколениям, в котором он показал себя трезвомыслящим и ответственным политиком и дипломатом, глубоко осознающим необходимость использования политиками достижений науки. Приведем отрывок из текста данной статьи, который в современных условиях звучит исключительно актуально:

«При написании этого послания я полностью осознаю свою скромную позицию. Мое занятие — это наука. И оно не дает мне какой-то особой компетентности в понимании и будущего человечества. Молекулы подчиняются «законам». Человеческие решения зависят от памяти о прошлом и от ожиданий будущего...

Я — один из тех, кто с научной точки зрения помогает сформировать направления политики Европейского союза. Наука объединяет людей. Она создала универсальный язык. Целый ряд научных дисциплин, таких как экономика или экология, также требуют международной кооперации. Поэтому я чрезвычайно удивляюсь, когда наблюдаю, что правительства стремятся создать Европейскую армию как выражение Европейского единства. Армию против кого? Где враг? К чему этот постоянный рост военных бюджетов как в США, так и в Европе?

Дело будущих поколений — выработать определенную позицию на этот счет. В наше время вещи изменяются со скоростью, невиданной в истории человечества...

В моем послании будущим поколениям мне хотелось бы сформулировать ряд аргументов для понимания необходимости преодоления чувств смирения и бессилия.

Письмо к будущим поколениям приходится писать с позиции неопределенности, со всегда рискованной экстраполяцией от прошлого. Однако я остаюсь оптимистом... Я верю в возникновение таких необходимых флуктуаций, посредством которых те опасности, которые мы ощущаем сегодня, могли бы быть успешно преодолены. На этой оптимистичной ноте я хочу закончить мое послание».

Высокую оценку созданной Ильей Пригожиным теории взаимодействия хаоса и порядка, странных аттракторов, бифуркаций и фракталов дал в своей статье «Теории сложности и преобразования социальной действительности» («Белая Вежа», 2016, № 8) один из самых авторитетных белорусских ученых-философов и социологов, академик НАН Беларуси Евгений Бабосов.

А что же мы знаем об Илье Пригожине как человеке?

Ученый был женат дважды. Первой женой Пригожина стала поэтесса Хелен Иоффе (1921—1988) — мать его сына Ива, родившегося в 1945 году и ставшего антропологом.

В 1961 году в 44-летнем возрасте Илья Романович женился на Марине Прокопович. У супругов в 1970 году родился сын Паскаль, ставший юристом.

Пригожин был известен в среде своих коллег как обходительный человек и незаурядный ученый, диапазон которого чрезвычайно широк. Он был увлечен литературой и археологией и до конца жизни играл на пианино. Ученый любил слушать музыку.

Российский ученый Юрий Александрович Куперин неоднократно встречался с И. Р. Пригожиным. Вот что он вспоминает: «Встретился я с Пригожиным, когда по приглашению Международного Сольвеевского Института физики и химии приехал в Брюссель в командировку. Цель командировки была для тех лет весьма необычна: я был приглашен представлять Санкт-Петербург в Евро-Российском научном проекте, который предполагалось финансировать за счет Еврокомиссии. Было это, насколько я помню, в 1992 году. К тому времени Пригожин уже много лет занимал должность директора Сольвеевского института и, конечно, имел огромное влияние в Еврокомиссии...

На второй или третий день моего пребывания в Сольвеевском институте меня представили Пригожину. Аудиенция проходила в его кабинете, продол-

жительность 30—40 минут, цель — рассказать о научном содержании проекта. Беседу вели на английском, хотя, как потом я узнал, Илья Романович прекрасно говорил по-русски... Пригожин не любил, когда его называли по имени и отчеству. Он предпочитал — профессор Пригожин. Первое впечатление от встречи с этим великим человеком — невысокий, вежливый, держится с достоинством, но не давит на собеседника, слушает внимательно. Что поразило сразу — задает точные и глубокие вопросы, хотя обсуждали очень широкую тематику: от наноэлектроники до абстрактной математики в функциональных пространствах...

После аудиенции я и еще несколько сотрудников Пригожина были приглашены пообедать и продолжить беседу в ресторане. Блюда и вина были изысканными, беседовали хотя и непринужденно, но очень как-то по-светски. Тогда, при первом знакомстве, я решил, что мне оказана огромная честь и что доклад я сделал очень толково. Потом, когда я познакомился с Пригожиным гораздо ближе, когда мы начали заниматься наукой вместе, когда, наконец, мы стали друзьями, я понял, что и обед в ресторане, и подчеркнутая учтивость и гостеприимство — это просто его стиль жизни. Хотя справедливости ради надо сказать, что бывали случаи, когда Пригожин резко критиковал на докладе визитеров Сольвеевского института, и приглашения на ланч после этого они не получали.

...Я все ближе узнавал этого уникального человека. Теперь мы уже общались не только на научные темы... Он познакомил меня со своими близкими — женой Мариной и сыном Паскалем. Наконец, однажды я был приглашен на вечеринку к нему домой в предместье Брюсселя... Поразил меня дом, точнее, его интерьер, и сам хозяин. Дом оказался музеем с огромной и тщательно подобранной коллекцией произведений искусства. По большей части это были предметы из эпохи доколумбовой Америки, а также произведения искусства разных стран и эпох, тематически так или иначе связанные со временем. Рассказ Пригожина о его коллекции также потряс меня. Это было увлекательное интеллектуальное путешествие во времени и в межкультурных пространствах, причем путешествие, устроенное с высочайшим профессионализмом. Лишь позднее я узнал, что Пригожин имеет степень доктора археологии и частенько, именно в этом качестве, бывает приглашен читать лекции в самые престижные университеты мира. Но и это еще не все. Переходя от одного раритета к другому и из одной комнаты в другую, мы подошли к стоявшему в его кабинете роялю. Пригожин скромно сказал, что иногда музицирует, когда устают работать. Я посмотрел на ноты, лежавшие на рояле. Ничего необычного — Чайковский, Шопен, Рахманинов. Шокирован я был потом, когда спустя несколько дней после посещения дома Пригожина слушал по радио в отеле какую-то музыкальную программу. И вдруг услышал, как ведущий программы объявляет: «А теперь послушайте несколько музыкальных пьес композитора Ильи Пригожина!» Я не поверил тому, что услышал. Но потом в разговоре с сотрудниками Пригожина узнал, что он действительно пишет музыку и считается неплохим композитором...

И хотя мне доводилось встречаться и беседовать и с другими нобелевскими лауреатами, но такого Человека и Ученого, как Пригожин, я в своей жизни больше не встречал» (Технические науки, 2010, № 1).

И. Р. Пригожин являлся членом Бельгийской королевской академии наук, Нью-Йоркской академии наук, Румынской академии наук, Королевского научного общества в Упсале и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина».

Пригожин был иностранным членом Американской академии наук и искусств, Польского и Американского химических обществ и других организаций. Ему были присвоены почетные степени университетов Ньюкасл-Апов-Тайна, Пуатье, Чикаго, Бордо, Упсалы, Льежа, Экс-ан-Прованса, Джорджтауна, Кракова и Риоде-Жанейро.

Кроме Нобелевской премии Пригожин был награжден золотой медалью Сванте Аррениуса Шведской королевской академии наук, медалью Баурка Британского химического общества, медалью Коттениуса Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» и медалью Румфорда Лондонского королевского общества.

Во время интервью в Москве в 1993 году Илье Романовичу задали вопрос: «Вы стали почетным доктором МГУ. Не жалеете ли, что не кончили его?»

Он ответил: «Быть причисленным к почетным докторам этого славного вуза, в ряду которых и Гете, и Шиллер, и Фарадей, — великая для меня честь. Что касается учебы в нем... Этот вопрос теряет смысл в силу того, как реально сложилась моя жизнь. Не знаю, захотел бы я учиться в Московском университете времен моей молодости. Да меня туда в те годы просто бы и не пустили. А сейчас, может, и захотел бы, да возраст не тот...»

А наш земляк — академик РАН и НАН Беларуси, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки БССР Николай Александрович Борисевич, который 18 лет (1969—1987) был президентом АН БССР, во время одной из наших бесед, когда разговор зашел о нобелевских лауреатах с белорусскими корнями, заметил: «Я был знаком с Нобелевским лауреатом, всемирно известным физиком и химиком Ильей Пригожиным. Во время перерыва на одной из научных конференций мы как-то оказались рядом. И тогда он сказал: «Я знаю, что вы президент Академии наук Белоруссии. А ведь мой отец родом из Белоруссии, а точнее, Могилевщины, и оканчивал в Могилеве реальное училище. Все пишут обо мне, что я ученый русского происхождения, но никто не пишет, что у меня белорусские корни. После этого Пригожин поинтересовался развитием науки в Беларуси и особенно в городе Могилеве».

28 мая 2003 года стал последним днем жизни Ильи Пригожина. Его вклад в мировую науку достоин того, чтобы имя этого уникального Ученого и Человека навсегда осталось в нашей памяти.

